

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ

# САТИРИКОН

№ 3

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916  
14 ЯНВАРЯ



Рис. Ре-ми.

## РУССКОЕ ЧУТЬЕ.

- ... Да вѣдь ты на развѣдкѣ не былъ?
- Не былъ, ваше благородіе.
- А говоришь, что знаешь нѣмецкое расположеніе!?
- Знаю, ваше благородіе.
- Какое же оно?
- Сквернсе.





## ПОБѢДА САТАНЫ.

### 1.

Ты властвуешь, лукавый Сатана!  
Тысячелѣтняя творческая сила  
Творила храмъ! И рухнули стропила,  
И стерты всѣхъ завѣтовъ письма.

Мечта любви безсильна и безкрыла,  
Какъ будто жизнь исчерпана до дна.  
Земная боль попрежнему темна,  
И Лазаря гробница придавила.

Пѣвецъ надеждъ, царившій надъ толпой,  
Теперь молчитъ, развѣнчанный, смѣшной,  
А жизнь вокругъ мрачнѣй больного бреда.

Смыкается кровавое кольцо.  
Засмѣйся же Создателю въ лицо,  
О, Сатана! Страшна твоя побѣда!

### 2.

Тщеславный родъ, игравшій до сихъ поръ  
Божественно-возвышенную пьесу,  
Вдругъ позабылъ торжественную мессу  
И спуталъ аріи и спуталъ хоръ.

О, кто жъ опуститъ во-время завѣсу!  
Вѣдь превратилъ коварный режиссеръ  
Людской спектакль въ бессмысленный позоръ  
Конецъ мечтамъ, культурѣ и прогрессу!

Совлечены порфиры и вѣнцы,  
Размазанъ гримъ, и обнаженнымъ стадомъ  
Толпятся звѣри, гнусы и глупцы.

Довольно словъ. Довольно сладкимъ ядомъ  
Дурманить умъ, провидящій концы.  
Да, Сатана, ты землю сдѣлалъ адомъ!

### 3.

Кто въ этотъ часъ взойдетъ на высоту,  
Чтобъ строить храмъ Иисусу и Маріи?  
Гремитъ хораль желѣзной литургии,  
Кошунственно возславивъ пустоту.

Ползутъ рабы, согнувъ покорно выи,  
И слѣпо рушатъ жизнь и красоту.  
Самъ человекъ убилъ свою мечту  
Любви, Надежды, Вѣры и Софіи.

Цвѣтушій садъ затоптанъ и заглохъ.  
Сталь снова духъ подобіемъ пустыни,  
Какъ въ тѣмѣ вѣковъ на грани двухъ эпохъ.

Приниженный, безъ славы и гордыни,  
Онъ попираетъ вѣчныя святыни.  
О, гдѣ же Ты, зачѣмъ Ты медлишь, Богъ!

Дмитрій Цензоръ.

## СТАРАЯ ДУША.

— Коля, — сказалъ я моему пріятелю, — эта блондинка  
мнѣ положительно нравится!

— Но, можетъ быть, ты ей нравишься отрицательно?

— Это дѣло не твое, твое дѣло маленькое: представь  
меня и отъѣзжай.

— Лидія Михайловна, — подводя меня къ ней, сказалъ

Коля, — позвольте вамъ представить моего товарища, жаждущаго...

— Мы уже знакомы, — сказала она.

— Мнѣ не вѣрится, чтобы вашъ образъ не запечатлѣлся  
въ моей памяти...

— Могу васъ увѣрить, что мы уже знакомы...

— Быть можетъ, еще дѣтьми?... Это было давно...

— Да, вы были оруженосцемъ Мильтіада.

— Мы играли въ войну, воображая себя древними?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Развѣ вы не вѣрите въ переселеніе  
душъ?

Я задумался: вѣрить или не вѣрить — что выгоднѣе?

Я поглядѣлъ на Колю. Онъ также хитро поглядѣлъ на  
меня и исчезъ за спиной сидѣвшихъ дамъ, помѣстившись на  
низенькомъ пуфикѣ.

— Не вѣрите?

— Вѣрю!.. Не могу не вѣрить!!

— Я прекрасно васъ помню... На васъ падали лучи его  
славы...

— Чьей? — не догадался я.

— Мильтіада!..

— Да, да, помню, конечно... Еще кому-то лавры моего  
Мильтіада не давали спать! — заторопился я. — Хорошее  
было время!!

Она оживилась.

— Вы помните свою прежнюю жизнь?

— Великолѣпно!.. Даже лучше, чѣмъ настоящую. У  
меня, вообще, душевная дальность: не помню того, что  
было вчера, и помню мельчайшія подробности далекаго про-  
шлага... Хорошо было мнѣ съ моимъ Мильтіадушкой! Онъ,  
храбрый военачальникъ, триумфаторъ, и я, скромный оруже-  
носецъ, жили душа въ душу! Держался со мной просто, безъ  
чиновъ. На его палаткѣ висѣла надпись, сдѣланная враже-  
ской кровью: «безъ доклада не входить»... Горе тому, кто  
осмѣливался просунуть голову въ палатку безъ доклада: го-  
лова его оставалась въ палаткѣ, а тѣло его, отдѣленное ма-  
стерскимъ ударомъ меча, падало по ту сторону палатки безъ-  
дыханнымъ трупомъ!.. А я всегда входилъ безъ доклада!

— А меня, надѣюсь, вы теперь вспомнили? — спросила  
она, откидываясь на спинку кушетки.

— О, вы, какъ живая, стоите... сидите передо мной...  
Я хочу сказать, — спохватился я, — такой, какой вы были  
тогда!

— Я была маркитанткой... правда?

— Да, да!.. Вы слѣдовали за нашей арміей, продавая го-  
рячіе пирожки.

— Не пирожки, а лепешки.

— Именно, лепешки!.. Такія... такія плоскія...

Она поиграла кисточкой диванной подушечки и, не глядя  
на меня, спросила:

— А когда я была интереснѣй, красивѣе: тогда или те-  
перь?

Я, боясь промахнуться, размышлялъ: всякой женщинѣ  
пріятнѣе быть интересной и красивой въ настоящемъ, нежели  
въ прошломъ, но, кто ее знаетъ, можетъ, она вообразила  
себѣ, что она была красавицей-маркитанткой?

— Отвѣтьте искренно!

Я отвѣтилъ не столько искренно, сколько дипломатично:

— То, что могло нравиться древнему оруженосцу, мо-  
жетъ ли удовлетворить современнаго человека свободной  
профессіи?... Я помню васъ прекраснѣйшей маркитанткой и  
вижу васъ нынѣ прекраснѣйшей артисткой!

Она поставила вопросъ ребромъ:

— А наружность моя измѣнилась?

— Вы стали несравненно лучше, вы очаровательны, ваша  
красота расцвѣла, сохранивъ въ себѣ классическія черты!

Она подарила меня нѣжнымъ взглядомъ, который сразу  
намѣтилъ мнѣ линію моего поведенія.

— Лидія Михайловна, мнѣ хотѣлось бы, чтобы наше ста-  
рое знакомство... Вы, вѣрующая въ переселеніе душъ, ко-



нечно, не станете отрицать, что знакомство душ цѣннѣе знакомства тѣлѣ...

Она утвердительно кивнула головой.

— ...чтобы наше старое знакомство не омрачалось однимъ изъ тяжкихъ, изъ тягчайшихъ пороковъ современности: ложью... Я хотѣлъ бы, чтобы въ основу нашихъ отношеній легла святая, святѣйшая добродѣтель: правда... чистая, кристальная правда, исключаящая ложь во всѣхъ ея видахъ: умолчаніе, заднюю мысль, недоговоренность, неточность, двусмысленность, невѣрный жестъ, невѣрный вздохъ, невѣрный кивокъ, невѣрный стонъ, невѣрное междоуметіе... Согласны?

Она протянула мнѣ объ руки. Я поцѣловалъ кончики ея розовенькихъ пальчиковъ и, вперивъ взоръ въ крюкъ, на которомъ висѣла люстра, торжественно произнесъ:

— Пусть я никогда не узнаю триумфа, пусть мой мечъ заржавѣетъ въ ножнахъ, пусть мой вѣрный конь достанется врагу моему вмѣстѣ съ сѣдломъ и уздечкой, если я не буду правдивъ!

Ея глаза блестѣли, какъ послѣ трехъ бокаловъ шампанскаго.

— Согласна! — подтвердила она свое движеніе.

— Моя старая душа не можетъ примириться съ допущенной мною неточностью, и я смѣло заявляю: я согласился съ вашими воспоминаніями, что вы въ то время были маркитанткой — это не правда — вы были моей наложницей.

Она закрыла лицо руками. Я видѣлъ, какъ румянецъ залилъ полъемъ ея щеки, обагривъ лобъ и уши.

— Въ этомъ нѣтъ ничего ужаснаго!.. Вы, дорогая моя, совершенно напрасно смущаетесь: отъ прежней жизни въ васъ осталась лишь старая душа, переселившаяся въ новое, невинное тѣло...

Я нѣжно отнималъ ея ручки отъ лица ея. Она слабо сопротивлялась.

— Поймите, радость мою, дорогая, черезъ столько вѣковъ встрѣтить въ мѣрѣ душу той, которую такъ пылко, пламенно и нѣжно я любилъ... Божественная, если бы вы могли также вспомнить, какъ я, любовь мою къ вамъ, вашу любовь ко мнѣ — я вѣрю, глубоко вѣрю, мы могли бы быть счастливы и теперь, какъ тогда!.. Пусть я перековалъ мой желѣзный мечъ въ стальное перо, пусть...

Она не дала мнѣ закончить начатой фразы, воскликнувъ:

— Я помню!

Я тихо сказалъ ей:

— Я чувствую, какъ моя старая душа оруженосца переливается въ мое молодое сердце прежнее чувство!

Въ отвѣтъ она шепнула:

— Я чувствую, какъ я отдѣляюсь отъ всего того, что моей старой душѣ... (она запнулась, не желая назвать себя наложницей) маркитантки («пусть маркитантка!» — мысленно согласился я) навязали: воспитаніе, среда, общество, свѣтскія условности... Дорогой мой, возьми меня, посади на своего вѣрнаго коня и тайкомъ умчи меня отсюда!..

Она встала и незамѣтно для хозяевъ и гостей, вышла въ переднюю. Выждавъ минуту-другую, я послѣдовалъ за ней.

Спускаясь съ ней по лѣстницѣ, я, за неимѣніемъ собственнаго вѣрнаго коня и не довѣряя извозчичьимъ лошадямъ, вызвалъ по телефону въ швейцарской таксомоторъ.

Я надѣюсь, что мой властелинъ Мильтиадъ, мирно пребывающій въ царствѣ тѣней, не посѣтуетъ на старую душу своего оруженосца, заботящагося о своемъ молодомъ тѣлѣ... Я ничего «такого» этимъ не хочу сказать, ничего, кромѣ того, что таксомоторомъ пріятнѣе и удобнѣе пользоваться, нежели самымъ вѣрнымъ конемъ.

Исидоръ Гуревичъ.

## НЕ ВЪ МѢРУ УВЛЕКШІЙСЯ КРИТИКЪ.

*Близорукій критикъ:* — Писатель Леонидъ Андреевъ, оказывается, и художникъ чудесный: послѣдняя его статья, озаглавленная «Зима», изобиловала иллюстраціями автора. — Текстъ въ четырехъ мѣстахъ прерывался съ большой экспрессіей исполненными «видами» русской зимы, ея снѣжныхъ полянъ, ея равнинъ, лежащихъ подъ бѣлымъ покровомъ...

*Редакторъ:* — Съ ума вы сошли? Какая тутъ «русская зима». Это просто проплѣшины, оставленные русской цензурой!

Нед.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ:

Аркадій Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

## СПЛЕТНЯ.

Пріоткроетъ ставню костьюлемъ:  
Въ щелочку, чтобъ было лучше видно,  
И глядитъ, жуя беззубымъ ртомъ,  
На людей пронирыливо-ехидно.  
На карнизахъ собираетъ пыль,  
Любитъ жить, гдѣ сѣренько и грязно,  
И скользитъ, припавши на костьюль,  
Все шепча о чемъ-то неотвязно.  
Слѣповата, сгорблена, хрома,  
Съ головой и носомъ хищной птицы,  
На плечахъ — тяжелая сума:  
Въ ней таятся злыя небылицы.  
Отъ нея, беззубой, не уйдешь:  
Подхихикнетъ еле слышно, глухо,  
Маленькую, липнущую ложь  
Вдругъ шепнетъ прохожему на ухо.  
Гадкій шопотъ къ путнику прилипъ  
И растетъ — пустой и безобразный,  
А вдали чуть слышенъ тихій скрипъ  
Костьюля у старушонки грязной.

Юрій Zubовскій.

Рис. Миссъ.







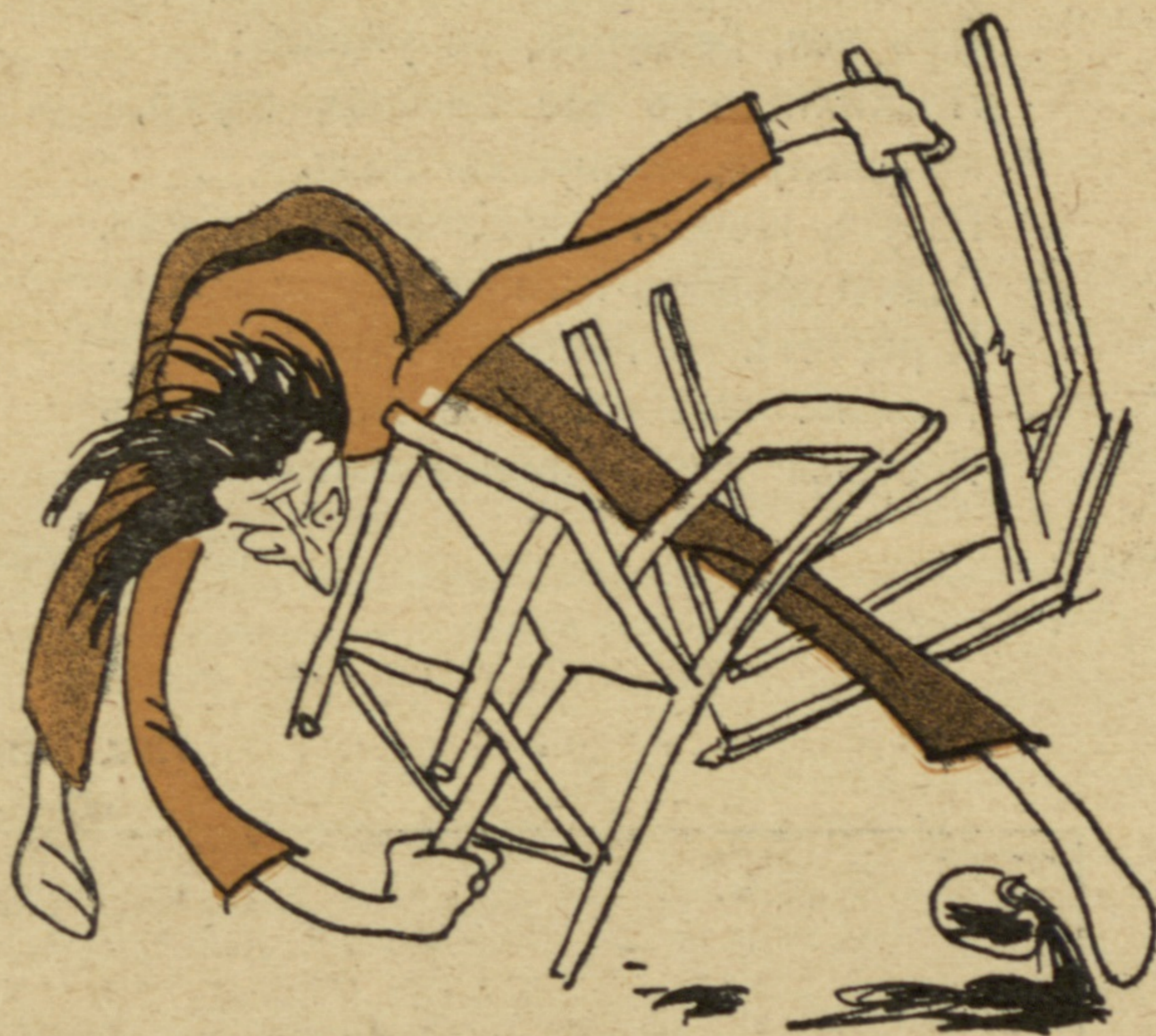
Поэтъ Вадимъ Жемчужинъ  
(Страсть эта не бѣда ль?)  
Искалъ, весьма сконфужень,  
Слова на рѣмю „даль“.

Услуги предлагали  
Ему „печаль“ и „жаль“;  
Его не утѣшали  
Ни „шаль“, ни даже „таль“!



Хоть рѣмю моментально  
Сгруппились вокругъ пера,  
Твердилъ поэтъ: — „Банальна!“,  
— „Затерга!“ иль — „Стара!“

Онъ рѣмю ждалъ блестящей  
(Поэтъ въ немъ не угась!),  
По-новому звучащей,  
Звучащей въ первый разъ!..



Поэтъ былъ парень крѣпкій:  
Чтобъ проявить свой пылъ,  
Гонясь за рѣмой, — въ шепки  
Онъ мебель превратилъ!



Ахъ, описать смогу ль я,  
Какъ въ стѣны, въ потолокъ  
Швырялъ онъ, въ гнѣвъ, стулья,  
Пока не изнемогъ!..



Какъ разъ въ минуту эту  
Пришла его жена  
И, заглянувъ къ поэту,  
Была поражена...

Онъ къ ней: — „Виной скандала —  
Подумай! — слово даль!...“  
Жена ему сказала:  
— „Во-первыхъ, не скандаля...“



Услышавъ это слово,  
Поэтъ вскочилъ, и ну  
(Что было крайне новой!!)  
Ласкать свою жену!

И на него, въ испугъ,  
Жена метнула взглядъ...  
Поэтъ же — не супругъ,  
Поэтъ былъ... рѣмѣ радъ!



## ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

## Пустые разговоры.

Органъ вороватаго кронпринца „Lokal-Anzeiger“, хвастливо заявляетъ, что германскія войска на западномъ фронтѣ стоятъ всего въ двухъ часахъ ѣзды на автомобилѣ отъ столицы Франціи.

Это ничего не доказываетъ.

Навѣрное, были же случаи, когда патронъ этого изданія стоялъ всего въ одномъ шагѣ отъ руки, могущей дать оплеуху и, все-таки оплеухи онъ не получилъ.

А два часа ѣзды, да еще на автомобилѣ — это несравненно длиннѣе.

## Птицы въ воздухѣ.

Корреспондентъ „Нов. Времени“ картинно описываетъ прошлое и настоящее авіаціоннаго дѣла:

Бой въ воздухѣ! До чего мы дожили!.. Помнится мнѣ первая авіаціонная недѣля въ Реймсѣ, когда малѣйшій вѣтерокъ заставлялъ всѣхъ летчиковъ засовывать аппараты въ ангары Фарманъ въ то время самъ леталъ на своихъ неуклюжихъ спичечныхъ коробкахъ: никто другой не рѣшался ввѣрить свою жизнь этимъ громоздкимъ, неуклюжимъ и неповоротливымъ тихоходамъ. Широко разставивъ ноги и съ какой-то безнадежной отчаянностью вѣпившись въ свое рулевое колесо, французъ поднимался саженъ на десять и такъ кружился вокругъ рѣшетчатыхъ пилоновъ: все-таки ниже будетъ падать, если выйдетъ заминка, которой въ тѣ времена ожидали ежеминутно, ежесекундно.

А теперь тѣ же фарманы поднимаются на три версты вверхъ, отмахиваютъ безъ передышки три-четыре часа подъ рядъ; носятъ на себѣ пулеметы!..

Чудесный сказочный праздникъ перешелъ въ сѣрые дѣловые будни...

## Странная обстановка.

О нашумѣвшей г-жѣ Васильчиковой, вздумавшей устроить сепаратный миръ между Россіей и Австріей, Ник. Ашешовъ пишетъ въ „Днѣ“:

И въ конечномъ счетѣ неудачной авантюры г-жѣ Васильчиковой пришлось уѣхать къ себѣ въ имѣніе на югъ Россіи, въ какой-то странной обстановкѣ, о которой говорятъ, что она „соотвѣтствовала ея положенію“.

Интересно, какая обстановка соотвѣтствовала положенію этой „русской княгини“?

Пара изящныхъ браслетовъ на рукахъ и уютная комнатка съ окномъ, переплетъ котораго напоминаетъ такой рисунокъ: |||| — соотвѣтствовала ли бы такая обстановка ея „положенію“?..

## Сапоги.

Русскій человекъ всегда легко опредѣлитъ, гдѣ причина, гдѣ слѣдствіе:

На-дняхъ къ нашимъ окопамъ приблизилась цѣлая нѣмецкая партія развѣдчиковъ изъ 23 человекъ.

Одинъ изъ этой группы прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и рассказалъ, что у нихъ силъ не хватило терпѣть, и они рѣшили добровольно сдаться.

Показавъ на свои разорванные сапоги, нѣмецъ попросилъ, чтобы ему дали хорошіе сапоги.

— Кто же тебѣ велѣлъ бѣгать съ одного фронта на другой, — шуточно отвѣтилъ русскій унтеръ-офицеръ, такъ не трудно и штаны потерять, а не только сапоги...

Кромѣ того, при этой системѣ изнашиваются не только сапоги, но и бѣлые носовые платки.

## Хитрая грека.

Газеты помѣщаютъ пикантныя разоблаченія по поводу греческой системы называть улицы именами любимыхъ героевъ (какъ извѣстно, недавно въ Афинахъ одна изъ улицъ была названа улицей Дени Кошена, знаменитаго „друга Греціи“).

Раньше, чѣмъ именоваться улицей Дени Кошена, улица Гермеса называлась улицей Амилькара Чиприани, въ честь знаменитаго итальянскаго республиканца, который въ все время сражался за независимость Греціи и считался также афинскимъ гражданиномъ.

Но названіе улицы мѣняется лишь юридически, на самомъ дѣлѣ на этой улицѣ все время красуется вывѣска: „Ул.ца Гермеса“.

Такимъ образомъ, у афинскихъ гражданъ всегда сстается возможность снова мѣнять названіе улицы въ связи съ тѣмъ или инымъ посѣщеніемъ Афинъ знатнымъ иностранцемъ.

Почему это происходитъ?

Очень просто: греки народъ бѣдный, улицъ мало, а знатныхъ иностранцевъ много.

Не строить же изъ-за этого новыя улицы.

## Memento mori.

Символь, или нѣкоторое грозное предупрежденіе:

Пароходъ „Персія“ былъ взорванъ нѣмцами безъ предупрежденія и затонулъ въ нѣсколько минутъ.

А, вообще, Персія тонетъ съ нѣмецкой помощью гораздо медленнѣе.

## Южный темпераментъ.

„Петроградскій Обозрѣватель“ рассказываетъ въ „Петрогр. Газетѣ“ любопытный случай съ Сальвини во время его гастролей съ Тифлисѣ:

Чуть только Сальвини вышелъ съ вокзала, какъ оркестръ, нанятый Форкати, заигралъ итальянскій гимнъ.

Сальвини былъ пораженъ такой торжественной, царской встречей...

Затѣмъ весь путь отъ вокзала до Банковскаго театра оркестръ, сопровождавшій коляску Сальвини, игралъ разные итальянскіе оперные мотивы: изъ „Травиаты“, „Риголетто“, „Аиды“ и т. д.

Мѣстные жители, въ свою очередь, захотѣли почествовать великаго артиста и ничего остроумнѣе не придумали, какъ посадить его въ декорированный флагами и фонарями вагонъ конки и катать по городу...

Къ сожалѣнію, жители переусердствовали въ своихъ восторгахъ, и вагонъ съ почетнымъ гостемъ какимъ-то образомъ опрокинулся на бокъ.

Очевидно, для тифлисскихъ жителей кататься на конкѣ — верхъ земного блаженства. Побаловали гостя.

А то, что вагонъ опрокинулся на бокъ, доказываетъ лишь трудность этого рода спорта — катанья на конкѣ...

## Оправдался.

Поставщикъ земскаго союза въ Москвѣ, Королевъ, обвиняется:

въ поставкѣ непригоднаго товара. Королевымъ было представлено по подряду 400 паръ сапогъ для арміи. Среди нихъ 40 паръ оказалось совершенно негодныхъ, съ подошвами изъ бумаги или старой кожи, подношенной лакомъ.

Когда комиссія замѣтила это, Королевъ сдѣлалъ удивленное лицо и заявилъ: — „Я поставилъ такихъ сапогъ въ армію свыше 20 миліоновъ паръ“.

Оправдался.

Это все равно, если человекъ обвиняютъ въ убійствѣ пріѣзжаго купца, а онъ, удивленный этимъ обвиненіемъ, восклицаетъ:

— Боже ты мой! Почитай всю жизнь этихъ купцовъ рѣзаль, сколько ножей затупилъ, а тутъ вдругъ — накося!

За что же, помилуйте!??

## Тихое воспоминаніе.

Матеріалы къ исторіи нашей торговли съ Германіей до войны:

Одна губернская земская управа, заботясь о снабженіи огородниковъ лучшими сѣменами, выписала, между прочимъ, большую партію сѣмянъ изъ Эрфурта — отъ извѣстной германской фирмы „Гааге ундъ Шмидтъ“ (дѣло происходило, конечно, до войны). „Гааге ундъ Шмидтъ“, какъ и подобаетъ аккуратнымъ нѣмцамъ, немедленно исполнили заказъ, но прислали не всѣ требуемые сорта. Двухъ-трехъ сортовъ не хватало — въ томъ числѣ и сѣмянъ „Муромше гуркенъ“.

„Но — писала фирма — мы дошлемъ вамъ эти сѣмена тотчасъ, какъ только получимъ ихъ изъ Россіи“.

„Муромше гуркенъ“ — муромскіе огурцы. Если бы въ прежнее время нѣмцы догадались какъ-нибудь назвать анисовыя, или антоновскія яблоки, мы не ѣли бы ихъ, если бы они не приходили бы къ намъ въ германской упаковкѣ. Пожаръ способствуетъ намъ много къ украшенію.

## БЕРЧИКЪ Б.

Какой донжуанъ этотъ Берчикъ Б.!

Кромѣ того, онъ учится въ консерваторіи —

Правда... неважно, и, правда, на трубѣ,

Но все-таки съ нимъ случаются исторіи.

Онъ же музыкантъ. Неважный? Ба!

Все-таки съ нимъ случаются исторіи,

Не все ли равно, труба такъ труба:

Важно не то, а что онъ въ консерваторіи!

Дѣвушки ходятъ съ глазами на лбу,

Провожаютъ его до самой консерваторіи,

И, когда онъ хотятъ потрогать трубу,

Такъ отъ ревности на улицахъ случаются исторіи...

И вдругъ все кончилось само собой,

И сразу прекратились любовныя исторіи:

Труба недовольна Берчикомъ, или Берчикъ трубой, —

Но Берчика выгнали изъ консерваторіи.

М. Долиновъ.



## ЖЕНЩИНА, НАЙДЕННАЯ НА ПЛОЩАДКѢ. \*)

Разсказъ Аркадія Аверченка.

(Окончаніе.)

## XII.

Сумерки...

Подходцевъ лежалъ на кровати, заложивъ руки за голову, и мечталъ, Богъ его знаетъ о чемъ. Изрѣдка хмурился, сжималъ голову руками, но потомъ, испустивъ легкій вздохъ, снова опадаль, какъ внезапно ослабѣвшая пружина...

Громовъ безмолвно сидѣлъ на подоконникѣ, устремивъ упорный взглядъ на улицу — «изучалъ кипучее уличное движеніе», какъ онъ вяло объяснилъ друзьямъ, заинтересованнымъ его страннымъ поведеніемъ.

Валя сидѣла на колѣняхъ у Клинкава и, по своему обыкновенію, разсматривая въ упоръ лицо своего взрослого собесѣдника, нѣсколько разъ тоскливо спрашивала:

— Гдѣ мама?

— Мама ушла по дѣлу, — неизмѣнно отвѣчалъ Клинковъ, разглаживая ея кудри. — Скоро вернется.

— Да она уже давно ушла.

— Тѣмъ больше резоновъ ей скорѣе вернуться.

— Чего?

— Резоновъ.

— Какихъ?

— Ты знаешь, что такое резонъ?

— Н... нѣтъ.

— Это такой человѣкъ, который дѣтей рѣжетъ, когда они пристають къ нему съ разспросами.

— А гдѣ онъ живетъ?

— На углу Московской и Безымяннаго...

— Онъ ходитъ по улицамъ?

— Да, ужъ такое его поведеніе, — разсѣянно отвѣчалъ Клинковъ, прислушиваясь къ чьимъ-то шагамъ на лѣстницѣ.

— А онъ маму не возьметъ?

— Кажется, что мы всѣ этого серьезно опасаемся, — съ грустной насмѣшливостью отвѣтилъ за Клинкава Подходцевъ...

— Не говори глупостей, — оборвалъ его Громовъ. — Разъ Марья Николаевна говоритъ, что идетъ по дѣлу, значитъ, дѣло существуетъ.

— Конечно, существуетъ, — какъ-то странно хрипло разсмѣялся Подходцевъ. — А если бы вы слышали, какъ это дѣло звякаетъ шпорами! Прямо малиновый звонъ.

Кубаремъ скатился съ подоконника Громовъ и, подступивъ къ холодно глядѣвшему на него Подходцеву, спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что это значитъ?

— Шпоры-то? Да вѣдь шпоры были не сами по себѣ... Онѣ были прикрѣплены къ ногамъ... Въ темнотѣ мнѣ еще удалось разсмотрѣть животъ, грудь, руки и голову. Все вмѣстѣ составляло одного весьма недурного собой офицера... Онъ довозилъ ее до нашего подъѣзда.

— Можетъ быть, это какой-нибудь родственникъ? — неуверенно предположилъ Клинковъ.

— Ну, да, — съ нѣкоторой надеждой подхватилъ Громовъ. — Она, вѣроятно, была у него по дѣлу о разводѣ съ мужемъ, и онъ довезъ ее потомъ до дому.

— Дескать, вечеромъ одной опасно, — проговорилъ, призадумавшись, Клинковъ, — онъ ее и довезъ.

Громовъ добавилъ, лоя подтверждающій взглядъ Подходцева:

— Обыкновенная вѣжливость.

— А не сыграть ли намъ въ карты? — вдругъ ни съ того ни съ сего предложилъ Подходцевъ.

— Почему въ карты? Во что именно?

— Въ «дураки». Конечно, игра эта ничего новаго не прибавитъ къ вашимъ характеристикамъ, но она лишній разъ подтвердитъ то мнѣніе о васъ, которое я себѣ составилъ...

Громовъ и Клинковъ засмѣялись, но ничего не возражали.

## XIII.

Громовъ сталъ тасовать карты, а Клинковъ повелъ Валю укладывать спать...

— Ну, вотъ, Валя... Давай, я тебѣ сниму чулочки, башмачки и платице, ты и ложись спать... Умыть тебя?

— Да ты всегда заливаешь мнѣ воду за шею!...

— Это новый, открытый мной способъ, на который я думаю взять привилегію. Иначе не умѣю.

\*) См. №№ 1 и 2.

— Мама лучше умываетъ.

— Ну, что тамъ мама! У нея, братъ, дѣль и безъ тебя много.

— Ну, вотъ видишь — опять всю облилъ.

— А ты сохни скорѣй, вотъ и будетъ хорошо.

— Ой, мыло въ ротъ попало!...

— А я думалъ ты взбѣсилась. Смотрю изо рта пѣна. Выплюнь.

Долго возился заботливый, но крайне неуклюжій Клинковъ (съ нѣкоторыхъ поръ онъ замѣнилъ совсѣмъ павшаго духомъ Громова) около дѣвочки, пока не уложилъ ее въ постель.

— Ну, спи, звѣренушгъ.

— Послушай, а Богу молиться... Почему ты меня не помолилъ.

— Ну, молись.

Дѣвочка стала на колѣни.

— Ну? — обернулась она къ нему.

— Что тебѣ еще?

— Говори же слова. Я жъ такъ же не могу, когда мнѣ не говорятъ слова.

— Ну, повторяй: «Господи, прости мою маму, Клинкава, Громова и Подходцева...». Они, братъ, совсѣмъ, кажется, закрутились.

— ... «Они, братъ, совсѣмъ, кажется, закрутились, — благоговѣнно произнесла дѣвочка.

— Нѣтъ, это не надо! Это не для молитвы, а такъ. Ну, теперь говори: «Спаси ихъ и помилуй».

— А папу? — вдругъ спросила Валя, глядя на него сбоку удивленнымъ чернымъ глазомъ.

— Папу? Ну, можно и папу, — рѣшилъ щедрый Клинковъ. — Богъ его прости, твоего папу.

— Готово? — спросила дѣвочка.

Клинковъ неуверенно согласился:

— Пожалуй, готово.

— А теперь сказку, — скомандовала Валя, ныряя подъ одеяло.

— Еще чего! Спи.

— Ну, скажи сказку, ну, пожалуйста.

— Да я все страшныя знаю.

— Расскажи страшную!

— Ну, слушай: въ одномъ домѣ разбойники убили старуху; отрѣзали ей голову и унесли, а туловище бросили въ запертой квартирѣ. Пришли домой, голову съѣли и легли спать. Вдругъ ночью слышатъ, кто-то ходитъ по ихней комнатѣ. Зажгли свѣтъ: глядь, а это старуха безъ головы ходитъ, растопыря руки и ловитъ ихъ: «отдайте, дескать, мою голову»...

Неизвѣстно, до чего дошла бы эта леденящая кровь исторія, если бы изъ сосѣдней комнаты не раздавался окрикъ Подходцева:

— Клинковъ! Иди, я тебя въ Громовыхъ оставлю.

— Въ какихъ Громовыхъ?

— Ну, въ дуракахъ, не все ли равно.

Несмотря на всѣ задиранія Подходцева, друзья не парировали его шутокъ.

Слышались только краткіе возгласы: «Тебѣ сдавать! Тройка! Ты остался!»

## XIV.

Громовъ предъявилъ Подходцеву «тройку», состоящую изъ семерки, восьмерки и короля, и замѣтилъ:

— Сколько она у насъ уже живетъ? Вторую недѣлю?

— Да, — подтвердилъ Подходцевъ, разсѣянно покрывая короля валетомъ :: принимая семерку съ восьмеркой. — Девятый день.

— Первые два дня она тебя съ собой брала, когда ѣздила по дѣламъ, а теперь все сама, да сама...

— Можетъ, она боится затруднять Подходцева, — задумчиво предположилъ Громовъ, набирая изъ колоды сразу семь картъ.

— Не симптоматично ли, — криво усмѣхнулся Подходцевъ, — что ты, Громовъ, какъ разъ въ эту минуту остался въ дуракахъ.

— Ты предполагаешь, что въ эту минуту? — злобно подхватилъ Клинковъ. — Я думаю — раньше.

Громовъ бросилъ карты на полъ и вскочилъ съ мѣста.



— Ну, такъ я же вамъ скажу, что вы оба свиньи и самые гнусные лицемѣры. Какъ?! Вы меня упорно называете глупцомъ, упорно смѣтаетесь надо мной... А вы?! Ты, Подходцевъ, развѣ ты не пробродилъ отъ семи до девяти часовъ вечера по нашей улицѣ?!

— Я папиросы покупалъ!

— Два часа? За это время можно купить цѣлую табачную фабрику!! А Клинковъ?! Раньше онъ сравнивалъ дѣтей съ клопами, говорилъ, что они «заходятся» и что ихъ нужно шпарить кипяткомъ — что заставляетъ его теперь возиться съ дѣвочкой, какъ нянька? Откуда этотъ неожиданный приливъ любви къ дѣтямъ?!

— Я всегда любилъ ухаживать за дѣтьми, — попробовалъ вставить свое слово Клинковъ въ этотъ шумный водопадъ.

— Да! Когда имъ было больше восемнадцати лѣтъ! Развѣ я не вижу, что Подходцевъ все смотритъ въ потолокъ и свиститъ какую-то дрянъ, а когда она приходитъ, онъ расцвѣтаетъ и прыгаетъ около нея, какъ молодой орангутангъ. Развѣ не замѣтно, что Клинковъ, подъ видомъ сочувствія къ ея горю, то и дѣло проситъ «ручку» и фиксируетъ поцѣлуй такъ, что всѣхъ тошнитъ... И вотъ, оказывается, что вы оба правы, вы въ сторонѣ, а я — неудачный ухаживатель, предметъ общихъ насмѣшекъ... и... и...

— Выпей воды! — холодно посовѣтовалъ Подходцевъ.

— Къ чорту воду!!

— Мнѣ эта истерика надоѣла, — сверкнувъ глазами, заявилъ Подходцевъ. — Я сейчасъ ложусь спать, и если кто-нибудь еще вздумаетъ оглашать воздухъ воплями, я заткну тому глотку своимъ пиджакомъ.

— Вся эта исторія чрезвычайно мнѣ не нравится, — заявилъ вдругъ тихо сидѣвшій на своей кровати Клинковъ. — Въ воздухѣ пахнетъ сѣрой и испорченными отношеніями. — Эта атмосфера не по мнѣ. Вы какъ хотите, а я уѣду. Сытъ я по горло. Завтра сообщу свой адресъ, а сегодня — прощайте.

Онъ выдвинулъ свой чемоданъ изъ-подъ кровати и сталъ, пыхтя, возиться около него. Потомъ вспомнилъ что-то и поднялъ голову:

— Если дѣвчонка вдругъ проснется, пока мать не пришла, и начнетъ плакать, заткните ей ротъ мармеладомъ — у меня тутъ на шкапу для нея припасена коробка... Завѣрте ее, что мать вернется съ минуты на минуту. А то терпѣть не могу этого визга.

— Да вѣдь тебя тогда все равно уже не будетъ!

— Ну, знаете, если такое сокровище раскричится, такъ и черезъ три улицы слышно!... Ну, вотъ и готово. Ничего, Громовъ, я самъ. Чемоданъ не тяжелый.

Въ этотъ моментъ на площадкѣ раздались шаги, и въ дверь кто-то постучался.

— Она! — пролепеталъ Клинковъ и, вспыхнувъ, безъ силъ опустился на чемоданъ.

— Войдите!

Въ комнату вошелъ человѣкъ, по внѣшнему виду очень смахивавшій на денщика.

— Первые его слова, — шепнулъ Подходцевъ Громову, — будутъ: «Такъ что...»

— Такъ что, — сказалъ денщикъ, — барыня кланяются, и вотъ отъ ихъ записка, сами же онѣ въ своемъ мѣстопробываніи, уѣхамши.

Подходцевъ, какъ человѣкъ съ наибольшимъ самообладаніемъ и авторитетомъ, прочелъ записку и засмѣялся:

— Распакывайся, Клинковъ!

— А что?!

— Дайте полковнику на чай и отпустите его. До свиданья полковникъ!

— Вотъ, господа, цѣнный автографъ: «Извините, что прощаюсь не лично, а письменно. Зайти къ вамъ не могу. Почему? — секретъ. Спасибо вамъ за хорошее отношеніе. За вещами пришлю, а Валю отвезите къ папѣ. Можетъ быть, вы когда-нибудь меня поймете... Преданная вамъ М.»

— Та-а-акъ... Замѣйте при этомъ, что вещи у нея поставлены на первое

мѣсто, а Валя на второе, — скорбно замѣтилъ чадолюбивый Клинковъ.

Громовъ пожалъ плечами:

— Ну, это ничего не доказываетъ. Она, вѣроятно, была очень взволнована.

— Бѣдный ребенокъ, — прошепталъ Подходцевъ.

— Бѣдная мать, — сказалъ Громовъ.

«Бѣдный Клинковъ», — подумалъ про себя эгоистъ Клинковъ.

## XV.

— Клинковъ! Ты замѣнялъ дѣвчкѣ мать, ты и вези ее къ отцу.

— Да, но вѣдь я не знакомъ съ нимъ, а вы знакомы.

— Такое знакомство, какъ у насъ съ нимъ, всегда проигрываетъ передъ незнакомствомъ, — замѣтилъ успокоившійся раньше другихъ Подходцевъ, хотя губы его все еще дрожали. — Ну, въ такомъ случаѣ, пойдѣмъ втроемъ.

— Какъ, ты не спишь? — удивился Клинковъ, зайдя въ маленькую комнатку.

— Да, ты мнѣ рассказалъ такую страшную сказку, что я не могла заснуть.

— Все къ лучшему, мой юный другъ, — сентенціозно замѣтилъ Клинковъ, натягивая ей чулочки.

— Куда мы? — удивилась дѣвочка.

— Къ папѣ. Видишь ли, тамъ, собственно говоря, мама... то-есть, ея еще нѣтъ, но когда-нибудь она придетъ. Да! Наверное. Этимъ всегда кончается — такъ говоритъ мудрый Клинковъ.

\* \* \*

Кандыбовъ уже собирался спать, когда раздался звонокъ въ передней, и три друга, эскортировавшіе крохотную дѣвочку, предстали передъ изумленнымъ хозяиномъ.

— Что это значитъ? — сурово спросилъ онъ.

— Прежде всего — уведите дѣвочку. Глаша, или какъ васъ тамъ, извиняюсь, не знаю — возьмите ее, — распорядился Подходцевъ. — Вотъ... А что касается насъ, то... простите, мужественный старикъ, что я о васъ худо думалъ. Насъ ввели въ заблужденіе, и первое впечатлѣніе въ томъ и другомъ случаѣ оказалось обманчивымъ. Ваша жена... да вотъ, лучше всего прочтите записку!

Мужественный старикъ прочелъ записку, нисколько не удивился, а потомъ спросилъ:

— А чего, собственно, вы впутались въ эту исторію?

— Единственно изъ доброты, — угрюмо сказалъ Подходцевъ.

— Думали: страдающая мать, осиротѣвшій ребенокъ, — сокрушенно подхватилъ Клинковъ.

— А дочка у васъ чудесная, — похвалилъ Подходцевъ. — Какъ вы могли отдать намъ ее, не понимаю! Повѣсите васъ за это мало!

Отъ похвалы дочери старикъ расцвѣлъ такъ, что даже пропустилъ мимо ушей неожиданный конецъ фразы.

— Славная дѣвочка, не правда ли?

— Очаровательная. Намъ будетъ безъ нея скучно, — вдругъ выступилъ впередъ Клинковъ. — Вы будете иногда отпускать ее къ намъ? Кстати, — вспомнилъ онъ, вынимая изъ-за пазухи знаменитую Громовскую корову. — Вотъ ея корова. Передайте ей. Молока не даетъ, но зато и сѣна не проситъ.

— Откуда эта корова?

— Я подарилъ. Чудесная дѣвочка!

Надо знать отцовское сердце, чтобы допустить, казалось бы, невѣроятный фактъ: черезъ полчаса три пріятели сидѣли у гостеприимнаго хозяина въ его столовой, чокаясь

старой мадерой, и запивали свое горе, каждый по-своему: Клинковъ съ Подходцевымъ шумно, Громовъ — угрюмо, молчаливо.

— Что это онъ такой? — участливо спросилъ хозяинъ.

— У него большое горе, — неопредѣленно сказалъ Подходцевъ.

А Клинковъ прибавилъ:

— Такое же почти, какъ у васъ, только больше.

Аркадій Аверченко.

Рис. Миссъ.





## ЕГО ПИСЬМО.

Я долженъ объяснить вамъ мой поступокъ.  
 Я не дикарь. Я не хожу въ пальто,  
 Но если вамъ мой странный полушубокъ  
 Все объяснить, онъ объяснить не то.  
 Провинціалъ — глубокой, захоластный —  
 Я все же знаю «можно» и «нельзя».  
 Меня учили завѣтъ печатно-устный,  
 Учили книги, добрые друзья,  
 Учило все: когда жена чужая,  
 Роняя колдовство воздушныхъ струй,  
 Съ лицомъ твоимъ глаза свои сближая,  
 Коснется губъ... — впивайся и цѣлуй!  
 Я знаю все, что должно для мужчины,  
 Но если бъ даже этого не зналъ,  
 То слишкомъ вы прекрасны и едины,  
 И слишкомъ я глухой провинціалъ,  
 Чтобъ послѣ перваго восторга передъ вами —  
 Вамъ не отдаться сердцемъ и мечтой.  
 Я васъ люблю. Но никогда словами,  
 Иль взоромъ, иль какой-нибудь чертой  
 Не выдалъ бы себя. И вдругъ въ передней —  
 Меня вы провожали въ полутьмѣ,  
 А мужъ остался въ комнатѣ сосѣдней...  
 Но я объ этомъ говорилъ въ письмѣ  
 И повторять не буду. Я отвѣтилъ:  
 «Подите прочь!» и вышелъ, не простясь.  
 Я шель, и боль моя — а снѣгъ былъ свѣтелъ! —  
 Какъ кровь, на бѣлизну его лилась.  
 Я васъ люблю. Въ чаду безмолвныхъ бредней,  
 И слезъ, и слезъ — брожу я третью ночь.  
 Но если бъ я опять стоялъ въ передней,  
 Я вамъ сказалъ бы вновь: «Подите прочь»...  
 Тамъ, въ комнатѣ, подъ тихимъ свѣтомъ лампы,  
 Довѣрчивый и ласковый вашъ мужъ  
 Разсматривалъ старинные эстампы,  
 И я былъ гость, но не былъ скользкій ужъ!  
 Я васъ любилъ, но я вѣдь не писатель  
 И не торгую темой о любви!  
 Я васъ любилъ, но помнилъ, что предатель  
 Въ любви — подлѣй предателя въ крови...  
 Простите. Знаю самъ, что я наивень  
 Въ своемъ письмѣ, что я провинціалъ.  
 Да, я смѣшонъ, но Богъ — великъ и дивень!...  
 Я посылаю то, что написалъ. Ал. Вознесенскій.

## О ГОРОДСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

*Засѣданіе о борьбѣ съ дороговизной со словъ гласнаго Лабазова.*

Насъ было много; тихіе и спокойные, мы сидѣли и рѣшали городскія дѣла. А тамъ, на другомъ концѣ залы, сидѣлъ онъ, записавшійся въ книгѣ у входа обывателемъ Полѣнкинымъ. У него были большія костлявыя руки съ грязными ногтями; верхнюю губу прочно и устойчиво поддержи-

вали два большихъ желтыхъ клыка, а по временамъ къ намъ долеталъ какой-то неопредѣленный глухой шумъ, какъ будто одна на другую падали тяжелыя вещи: это онъ хлопалъ желудкомъ. И было что-то жуткое и неотвратимое въ его мутномъ взглядѣ, направленномъ на насъ.

И когда на минуту всѣ замолчали, жуткій человекъ бросилъ въ тишину хрипло и грубо:

— Жрать хочу.

— Мы сейчасъ рѣшаемъ дѣло о дѣтской площадкѣ. Дѣтямъ нужны подвижныя игры, — сказалъ одинъ изъ насъ, — дѣтямъ нужно побѣгать на солнышкѣ.

— Нѣтъ теперь въ январѣ солнца, — прохрипѣлъ Полѣнкинъ. — Солнце въ июлѣ.

— Поэтому мы и признали вопросъ срочнымъ. Тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о прошломъ июлѣ, который былъ пять мѣсяцевъ тому назадъ.

— Вы лучше о мясной площадкѣ, — застучалъ кулаками по стульямъ Полѣнкинъ.

— На мясныхъ площадкахъ нѣтъ подвижныхъ игръ.

— Къ чорту подвижныя игры. Дайте мнѣ неподвижной муки и неподвижного мяса.

Мы смутились. Негодяй засмѣялся сардоническимъ смѣхомъ: срочное дѣло было имъ сорвано.

— У всѣхъ не можетъ быть мяса, — спокойно сказалъ одинъ изъ насъ, — у меня двѣ мясныхъ лавки, и я ощущаю недостатокъ въ немъ.

— Не говоря уже о мукѣ, — подтвердилъ другой изъ насъ, — я могу привести двухъ живыхъ свидѣтелей: два моихъ мучныхъ лабаза.

— Вопросъ признается несрочнымъ.

— А я васъ больше не выберу, — вытягивая клыки, засмѣялся Полѣнкинъ, — дудки!

Мы начинали нервироваться, слѣва направо.

— У меня въ квартирѣ холодно, — назойливо протянулъ Полѣнкинъ, — дровъ достаньте.

Я самъ вмѣшался въ разговоръ.

— Въ моемъ собственномъ домѣ паро-водяное отопленіе. Почему же я не прошу у думы дровъ, а ограничился покупкой другого дома, — а вы такъ настойчивы.

Полѣнкинъ щелкнулъ желудкомъ и посвисталъ:

— А меня извозчики обдираютъ.

— Видите ли...

— А почему въ трамваѣ на одну душу приходится кубической сантиметръ воздуха и никакого пространства?

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что...

— А почему очереди?

— Если посмотрѣть на это съ точки зрѣнія...

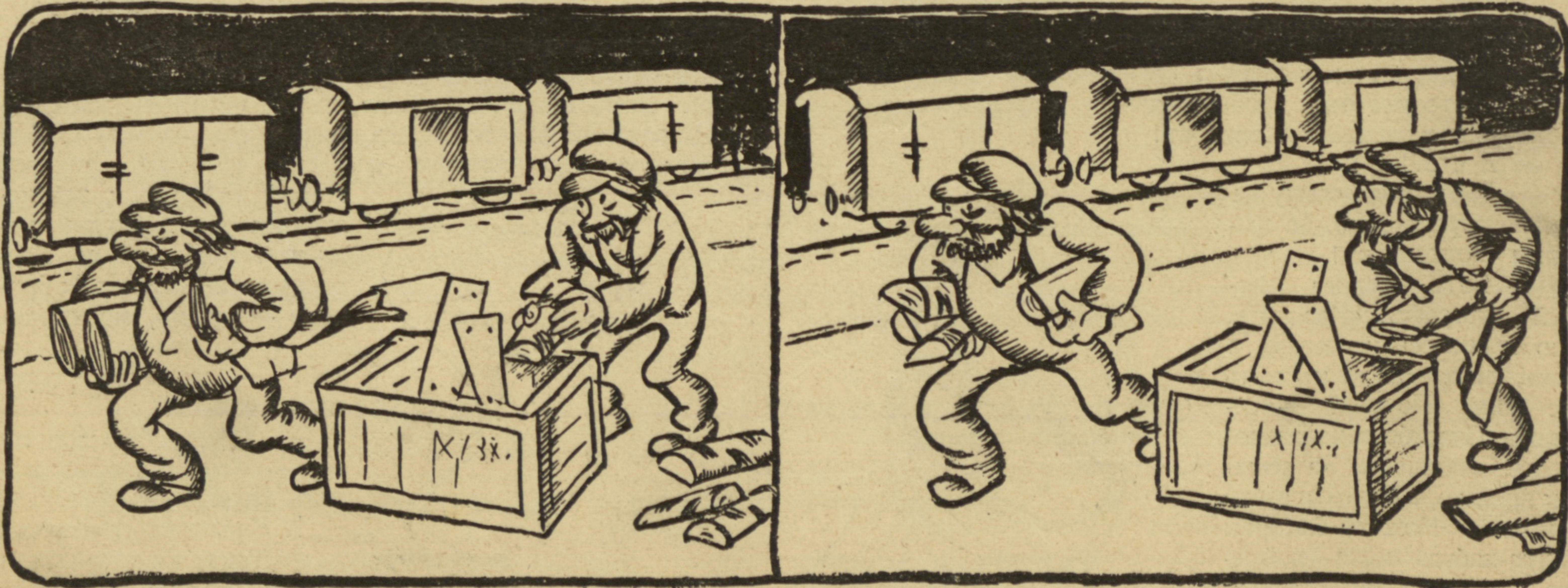
Перебить его было уже очевидно, нечѣмъ. Тогда онъ рѣшился на обструкцію. Началъ дрожать, щелкать зубами, хлопать желудкомъ, становиться въ очередь передъ стуломъ, выкрикивать наизусть семнадцать таксъ и громко плакать.

Мерзавецъ сорвалъ засѣданіе.

*Разсказъ о томъ же обывателя Полѣнкина.*

Ихъ было мало. Сидѣли они въ скунсовыхъ шубахъ, бобровыхъ пиджакахъ и выхухолевыхъ манже-

*Рис. Н. Радлова.*

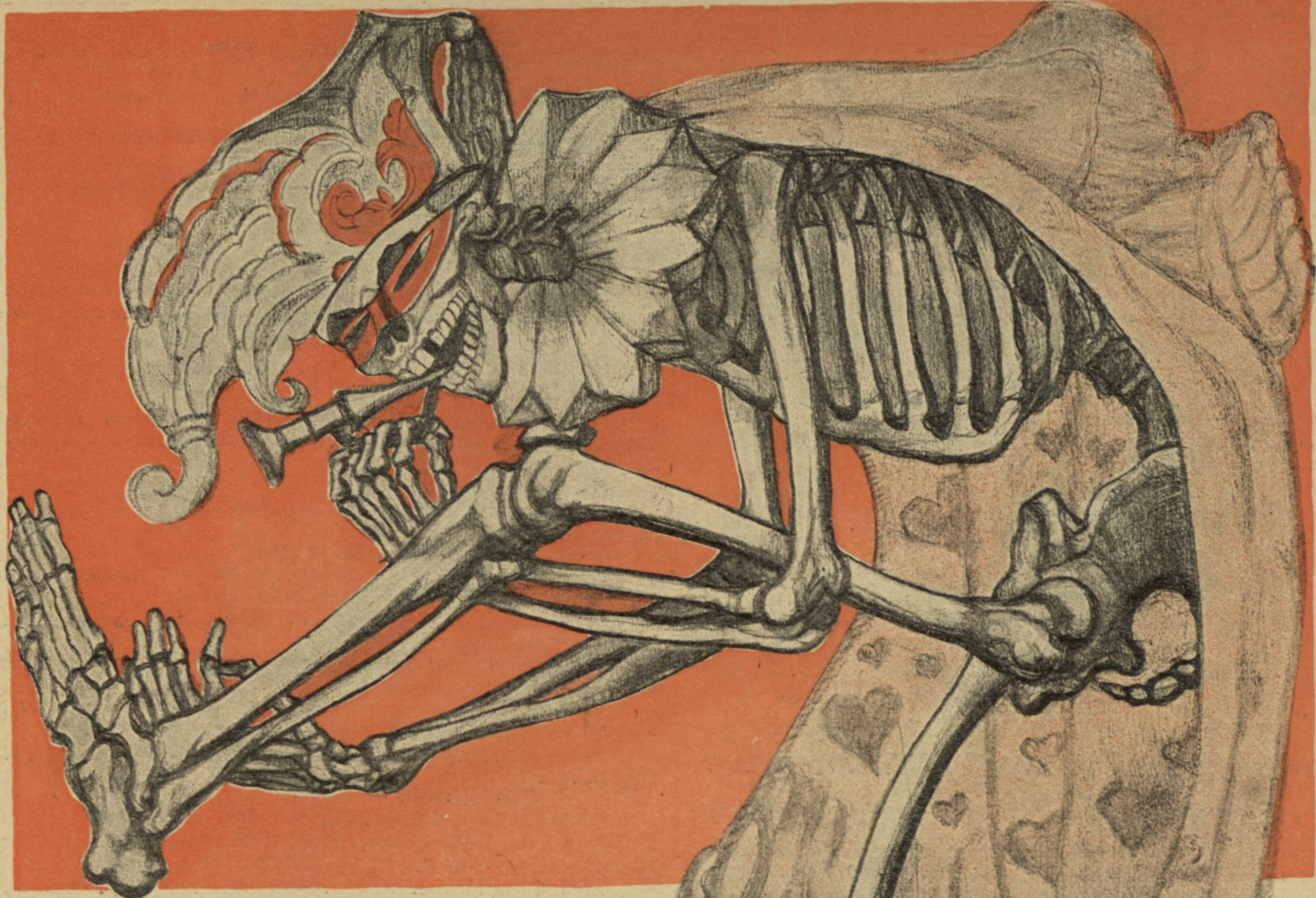


## ВРЕМЕНА МѢНЯЮТСЯ.

*Раньше желѣзнодорожные воруы вынимали изъ ящиковъ шелкъ и замѣняли его для вѣсу дровами...*

*Теперь — они воруютъ изъ ящиковъ березовыя дрова и замѣняютъ ихъ по вѣсу шелкомъ.*





## ПЪСЕНКА НА МАСКАРАДЪ

Вы не ждали костлявой подруги?  
 Меня вѣдь никто не ждетъ.  
 Я плакала стопами вьюги  
 У вашихъ закрытыхъ воротъ,  
 Я ложилась снѣжнымъ мѣхомъ  
 На плечи снѣжившихъ сюда.  
 За вашимъ веселымъ смѣхомъ  
 Вы забыли меня, господа!  
 Ваши слуги, суровы, какъ звѣри:  
 Чья рука меня не гнала.  
 Но вотъ — разбины двери:  
 Я вошла.  
 Вы объ этой не думали встрѣчѣ,  
 Коротая разгульные дни?  
 Господа, потушите свѣчи,  
 Потушите огни.  
 Я двери закрыла. Никто не войдетъ.  
 Сплетитесь тѣснѣе въ глухой хороводъ.  
 Топчите ногами веселыя маски,  
 Рыдайте, кричите попавшіе въ плѣнъ.  
 Я васъ закружу въ отвратительной пляскѣ  
 Въ угрюмомъ квадратѣ недвижимыхъ стѣнъ.  
 Я — гостя. И вы — безымянные гости,  
 Мы съ вами какъ будто знакомы давно.  
 Хозяинъ, прими мои старыя кости  
 Въ закладъ за вино.  
 Смѣлѣе, быстрѣе — подь дудку подруги  
 Кружитесь, сплетайтесь въ кровавую вязь...  
 Вы слышите всхлипы бушующей вьюги:  
 За окнами кто-то тоскуетъ, смѣясь.  
 Ни слова. Ни звука. Докончено дѣло.  
 Никто не вернется подь кинутый кровъ.  
 И громко послѣднее падаетъ тѣло  
 На бархатъ пушистыхъ ковровъ...

Арк. Буховъ.

тахъ. Я еле улавливалъ въ общемъ шумѣ, о чемъ они спорили.

Помню, что, когда я хотѣлъ вставить свое слово, поднялся самый видный изъ гласныхъ и крикнулъ:

— Я тебѣ размозжу голову собственнымъ магазиномъ въ гостиномъ дворѣ...

— Я только хотѣлъ указать...

— Я тебя зарюю въ собственныхъ залежахъ муки...

— Да, но мнѣ кажется...

— Я тебя въ свѣжее черкасское мясо замурую...

У нихъ были очень неприятныя лица. У каждого на лицѣ — кровь. Когда я посмотрѣлъ на себя въ маленькое карманное зеркальце, мнѣ показалось, что я пепиньерка, выпущенная изъ института на праздничныя каникулы: до того я былъ миловиденъ по сравненію съ ними. Одинъ изъ гласныхъ, зажегъ спичку, яко бы желая закурить папиросу. Я понялъ его намѣреніе: я не позволю себя сжечь на кострѣ и съѣсть.

— Обыватель Полѣнкинъ, — спросилъ меня председатель засѣданія, — зачѣмъ вы пришли сюда?

— Кто-то наклеветалъ, что у меня тепло въ квартирѣ, что я ѣмъ мясо, что у меня есть мука. Я пришелъ оправдаться.

Они долго и оглушительно смѣялись. Потомъ начали пѣть хоромъ.

— Я событьямъ очень радъ, — запѣлъ председатель какой-то комиссіи.

— У меня есть крупный складъ, — подхватилъ секретарь засѣданія.

— Не люблю вотъ этихъ лицъ, — весело затащилъ какой-то гласный, показывая на меня пальцемъ.

— У меня есть складъ яицъ, — отозвался кто-то изъ угла.

Всѣ стали надвигаться на меня. Я въ испугѣ закричалъ. Они закрыли засѣданіе.

Л. Аркадскій.



## ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

По словам поэта Н. Агнивцева — „поэт пиликаетъ на Лирѣ“.  
Самое печальное во всемъ этомъ то, что Агнивцевъ другого обращенія съ лирой себѣ не представляетъ и вотъ уже нѣсколько лѣтъ пиликаетъ на этомъ не подходящемъ для пиликанья инструментѣ.  
И, наоборотъ, бряцаетъ онъ съ довольнымъ видомъ гонорарными пятаками въ карманѣ.

Въ послѣдней повѣсти беллетриста Краснова на каждомъ шагу натываешься на такія фразы:

„Невозможно описать того сумбура въ домѣ, который воцарился...“

„Выраженіе его лица было неопишимо“.

„Перо отказывается изобразить тотъ гнѣвъ, то отчаяніе, и т. д. ...“

„Трудно описать красоту этой дѣвушки...“

Боже ты мой! Если вамъ все такъ трудно, такъ и не беритесь писать!..

## ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Писалъ я «на поляхъ газетъ»,  
Но такъ писать — не въ силахъ болѣ;  
Теперь «полей» въ газетѣ нѣтъ,  
Теперь она — сплошное поле!

Н.

## Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

## А. Петроградъ.

Сименикину. — Тонкость описанія изумительная:

„... Она долго протираала глазки кулаками рукъ“ ...

Мы будемъ очень вамъ обязаны, если вы сообщите намъ — для чего она употребляла кулаки ногъ?

Не для того ли, чтобы грозить ими горемычному автору.

Силь-Силычу. (Тамбовск. губ.) — Онъ сочиняетъ такъ:

Люблю я въ небѣ сводъ небесъ,  
Въ лѣсу люблю гудящій лѣсъ,

Въ рѣкѣ мила мнѣ лишь рѣка  
И въ вѣтеркѣ — вой (?) вѣтерка ...

Что касается насъ, то въ стихотвореніи мы больше всего предпочитаемъ стихотвореніе.

Такъ какъ его у насъ въ стихотвореніи не оказалось, то стихи беззаботно уничтожены ...

А. бе. — 9 линия. Дурдину. — 8 Рождественская. А. С. К. Соплюзодіаку. П. Шерскому.

Не подошло.

## Б. Москва.

Б. Прѣсня. А. Митропольскому. — Двинская ул. Фелиціи. — Автору письма о „Законѣ Дикаря“. — Автору стих. „Измѣна Греціи“.

Не подошло.

## В. Провинція.

Орель. Кранкену. — „Если хотите меня имѣть постояннымъ сотрудникомъ, то я могу поступить (?) къ вамъ, для чего переѣду въ Петроградъ...“

Не дай Богъ.

Безъ города. Б. Д-ву. — Отрывокъ изъ автобіографическаго разсказа:

„Всѣ со мной здоровкались за ручку“.

Принимая во вниманіе стиль автора, мы должны признать этотъ актъ вниманія, поистинѣ царской милостью.

Ст. Дебальцево. Лягешу. — Цитируемъ изъ письма нѣсколько сочныхъ строкъ:

„На гонораръ мнѣ наплевать и на сокращенія разныя мнѣ наплевать — что хотите дѣлайте.“

Столь обильное истеченіе слюны лишаетъ насъ возможности принять васъ въ число сотрудниковъ.

Безъ города. Михайловичу. — „Посылаю пародію на „Вѣтку Палестины“.

Скажи, еловое полѣно,

Гдѣ ты росло, гдѣ ты цвѣло?

И гдѣ ты вѣкъ свой прекратило?

И гдѣ дровяникъ мародеръ тебя купило?

Если бы мы знали вашъ адресъ, мы точно отвѣтили бы на этотъ вопросъ...

Харьковъ. Студенту Засл-скому. — „Странствующему Бѣсу“. — Баку. Студенту Б-су. — Кіевъ. Д. Богуну. — Кіевъ. А. К. — Одесса. Кравченко. — г. Бимъ-и-Бому. Бологое. Анчару.

Все присланное не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.  
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

19 декабря въ Кіевѣ открыта

выставка карриатуръ „НОВАГО САТИРИКОНА“;

Царская пл., Городской Музей Императора Николая II.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели  
за завтракомъ, обѣдомъ и  
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ  
И. С. СОКОЛОВА.

Комфортабельные  
кабинеты.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

3 РУБЛЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА  
съ дост. на 1916 годъ на  
— НОВЫЙ —  
2 Р. 75 К. БЕЗЪ ДОСТ.

ЖУРНАЛ  
ДЛЯ ВСѢХЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Ежемесячный безпартійный прогрессивно-демократическій журналъ литературы, художества и общественной жизни.

Въ связи съ переживаемымъ моментомъ особое вниманіе обращено на отдѣлы: 1) ВОЕННЫЙ (Н. Л. Кладо, Г. Г. Алексѣевъ); 2) КООПЕРАЦИИ (К. А. Пажитновъ); 3) ЗЕМСКІЙ (Б. Фромметъ) Въ серьезно поставленномъ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ отдѣлѣ дается живое отраженіе современныхъ исканій и теченій. Каждый номеръ иллюстрируется снимками съ работъ лучшихъ художниковъ и печатается въ иллюстр. обложкѣ. Въ журналѣ принимаютъ участіе всѣ лучшія литературныя силы.

Подписная цѣна: съ перес. 3 р. на 1/2 г. — 1 р. 70 к. Безъ дост. на годъ — 2 р. 75 к. за гран. 4 р.

Отдѣльный номеръ въ розничной продажѣ 35 коп.

Для сельск. учит., священ., рабоч., крестьянъ и учащихся допуск. разср. 1 р. при подпискѣ 1 р. къ 1-му марта и 1 р. къ 1-му іюля.

Контора и Редакція: ПЕТРА. Эртелевъ 3. Тел. 107-88.  
Редакторъ-издатель А. БОЛНЕ.

Вышла изъ печати новая книга  
= ТЭФФИ =  
НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

... И вотъ цѣль этого предисловія — предупредить читателя: въ этой книгѣ много невеселаго. Предупреждаю объ этомъ, чтобы ищущіе смѣха, найдя здѣсь слезы — жемчугъ моей души — обернувшись не растерзали меня.

ТЭФФИ.

(Изъ предисловія къ книгѣ „Неживой Звѣрь“.)

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Издательство „Новый Сатириконъ“.





4-й годъ изданія.

## ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 годъ

на ежедѣльный журналъ сатиры и юмора  
**„Новый Сатириконъ“.**

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

**52** номера богато иллюстрированного красочными **52**  
рисунками и карикатурами журн. больш. формата.  
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

**3** БЕЗПЛАТН. Кромѣ того, всѣ годовые под- БЕЗПЛАТН. **3**  
ПРЕМИИ: писчики получаютъ ПРЕМИИ:

Одну обильно иллюстрированную книгу:

### ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РУССКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣтъ.

### „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пельканы о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отрывають лучшіе куски своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей есть первѣйшая забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

**ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ.** Альбомъ шаржей  
Работа известнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики  
Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвестныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его известнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

### ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципиальными врагами всякой трескущей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстрекнуть нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечъ долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнул преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки **6 р. 80 коп.**, съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи. на годъ **8 руб.**, на 1/2 года **4 руб.**, на 3 мѣс. **2 руб.**, на 1 мѣс. **70 коп.**  
За границу: на годъ **12 руб.**, на 1/2 года **6 руб.**, на 3 мѣс. **3 руб.**, на 1 мѣс. **1 руб.**

### ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ **3 р.**, къ 1 мая **2 р.**, къ 1 іюля и 1 сент. по **1 р. 50 к.**

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2 руб.** и ежемѣсячно каждое 1-е число по **50 коп.**

Рис. Ре-ми.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Арнадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.





ЧЕСТНЫЙ ОТВѢТЪ.

— Скажи, на кого похожъ твой ребенокъ — на тебя или на мужа?  
— Ни то, ни другое! Онъ — вылитый отецъ.